
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ

А. С. ПУШКИНА

Планы: социальнаго романа и фантастической драмы.

Посмертное наслѣдство Пушкина, оставленное имъ въ своихъ тетрадяхъ, въ видѣ отрывковъ и набросковъ, представляетъ большую цѣнность. Вся черновая, подготовительная работа Пушкина: его программы будущихъ поэмъ, романовъ, драмъ, трактатовъ, первые проблески идей и образовъ, развитыхъ впоследствии до знакомой публикѣ художественной стройности и выразительности — все это вмѣстѣ образуетъ такой богатый архивъ матеріаловъ для повѣсти не только о литературной, но и о жизненной, общественной дѣятельности поэта, что разработка его займетъ, вѣроятно, много умовъ и рукъ. Свѣдѣнія и данныя, которыя можно извлечь изъ этого архива, не уступаютъ въ важности тѣмъ, которыя получаются при изученіи его законченныхъ и опубликованныхъ созданій. На отрывкахъ и наброскахъ Пушкина лежитъ та же печать его таланта и то же отраженіе его задушевной мысли, какъ и на послѣднихъ. Программы его не имѣютъ ничего общаго съ тѣми брульонами, первоначальными очерками, которые встрѣчаются у многихъ писателей и которые становятся нѣмыми, бесполезными, а иногда и безобразными свидѣтелями челоуѣческаго труда, пока не пояснены и не поправлены самимъ произведеніемъ, о мучительномъ рожденіи котораго возвѣщаютъ. Брульоны и остатки Пушкина, въ большинствѣ случаевъ, сами по себѣ, полныя картины, хотя, конечно, всѣ образы ихъ представляются еще въ видѣ тѣней, безкровныхъ призраковъ и окружены туман-

номъ, изъ котораго уже никогда и не выйдутъ за безвозвратной отлучкой художника, ихъ начертившаго. Брульоны или программы Пушкина суть тоже созданія своего рода, къ какому бы отдѣлу литературы ни относились, имѣютъ ли въ виду художественную задачу или историческій трактатъ. Примѣръ творческой программы перваго рода данъ Пушкинымъ въ извѣстныхъ «Сценахъ изъ рыцарскихъ временъ», о которыхъ будемъ еще много говорить. Это — полное драматическое представленіе изъ средневѣковаго европейскаго быта, но вмѣстѣ съ тѣмъ это только «Планъ», какъ сцены были и озаглавлены самимъ авторомъ; примѣръ втораго рода творческой программы съ цѣлю произведенія историко-политическаго трактата мы имѣли случай представить въ статьѣ «Общественные идеалы Пушкина» (В. Е. 1880 г.). Теперь къ ряду уже извѣстныхъ литературныхъ проектовъ Пушкина прибавляемъ два новые: программу современнаго романа изъ александровской эпохи (20-хъ годовъ) и короткую программу драмы, основной мотивъ которой взятъ изъ католической или лучше папской легенды о епископѣ-женщинѣ, воцарившемся въ Римѣ. Обѣ программы носятъ на себѣ тотъ же осмысленный и выразительный отблескъ глубокой и ясной мысли, какой присущъ большинству программъ Пушкина, о чемъ было говорено.

Начинаемъ съ романа. Время появленія у Пушкина первой мысли о романѣ, съ лицами и завязкой изъ прошлаго царствованія, которое видѣло и начатки собственной его поэтической и общественной дѣятельности, опредѣлить довольно трудно. Извѣстно только, что пережитая имъ александровская эпоха издавна занимала его воображеніе. Еще ранѣе 1825 г., онъ уже мечталъ сдѣлаться лѣтописцемъ послѣднихъ годовъ этой эпохи и началъ записки о странномъ и любопытномъ времени, въ которомъ рядомъ шли и процвѣтали самыя противоположныя направленія, люди военныхъ поселеній и люди библейскаго общества, грубые нравы и инстинкты о-бокъ съ конституціонными идеями и т. д. Послѣ истребленія этихъ «Записокъ», почти вслѣдъ за ихъ начатиемъ, въ томъ же 1825 г., Пушкинъ перенесъ всю свою нѣжность на Евгенія Овѣгина, въ которомъ думалъ сохранить бытовья данныя и характерныя черты городской и деревенской жизни первой четверти нашего столѣтія, оставляя до другаго, болѣе удобнаго, времени намѣреніе заняться изображеніемъ самихъ лицъ, близкихъ или дальнихъ знакомцевъ своей молодости. Пока существовалъ Евгеній Овѣгинъ, этотъ неразлучный спутникъ его вояжей и кабинетныхъ трудовъ, побывавшій съ нимъ также точно въ глуши провинціи, какъ и за чертой государства,

въ Арменіи и Турціи, сопровождавшій поэта повсюду, гдѣ онъ самъ являлся—мысль о романѣ изъ эпохи 20-хъ годовъ находила своего рода замѣну въ любимой поэмѣ, которая поддерживала умственные его связи съ старымъ обществомъ, все болѣе и болѣе отходившимъ въ область преданій, все болѣе и болѣе измѣнявшимся на его глазахъ. Какъ извѣстно, мы не имѣемъ полной поэмы: множество отрывковъ изъ разныхъ ея главъ и остатки отъ цѣлой пропавшей ея главы (Путешествіе Онѣгина) показываютъ, однако же, до очевидности, что стихотворный рассказъ этотъ, развиваясь съ возрастающимъ художественнымъ блескомъ и интересомъ, служилъ Пушкину вмѣстѣ съ тѣмъ и складочнымъ мѣстомъ для сужденій, афоризмовъ, замѣтокъ о современныхъ явленіяхъ, болѣею частію очень мѣткихъ и особенно важныхъ по біографическому ихъ значенію. Призваніе поэмы съ самаго начала было двойное—обрисовать общество и высказать по поводу его типовъ критическую мысль автора. Образчиковъ этого совмѣстнаго участія творчества и посторонней ему думы довольно много. Приводимъ еще одинъ. Онъ касается явленія уже не новаго и во времена поэта, а затѣмъ повторявшагося много разъ позднѣе. Усталый, надорванный, праздный Онѣгинъ становится у него внезапно народолоубцемъ:

Наскуча щеголять Мельмотомъ
И душой,
Проснулся разъ онъ патриотомъ
Въ Hôtel de Londres, что на Морской.
Россія!.. Русь!.. мгновенно
Ему понравилсь отмѣнно.
И рѣшено—ужь онъ влюбленъ!
Россіей только бредить онъ!
Ужь онъ Европу ненавидитъ
Съ ея логической душой,
Съ ея разумной суетой!
Онъ ѣдетъ, онъ увидитъ
Святую Русь—ея поля,
Селенія, степи и моря.

2 октября (1830?)

И сколько такихъ образчиковъ можетъ открыться еще впоследствии!

Но съ 1832 г., связи Пушкина съ Онѣгинымъ порываются. Въ этомъ году онъ отдалъ въ печать послѣднюю главу поэмы и остался, такъ сказать, одинокимъ. Ряды художественныхъ созданий, возникавшихъ непрерывно съ этой эпохи подъ его перомъ, не наполняли еще пустоты, образовавшейся послѣ Онѣгина.

Поэтъ утерязъ въ немъ постояннаго собесѣдника. Онѣгиня унесъ у него благовидный предлогъ дѣлиться съ публикой внутреннимъ своимъ міромъ, замѣтками, вынесенными изъ жизненнаго опыта, мыслями, возбужденными явленіями текущей минуты и воспоминаніями своего прошлаго. Тяжело и грустно разставался Пушкинъ со своимъ другомъ; на послѣдней 8-й главѣ романа лежитъ несомнѣнно меланхолическій, трогательный отгѣнокъ сердечнаго прощанія. Она и начинается нѣжнымъ обращеніемъ къ царскосельскому лицу, гдѣ поэтъ услыхалъ впервые призывъ музы и пророчество о своемъ предназначеніи на Русь, а кончается скорбнымъ воспоминаніемъ о героинѣ романа, о людяхъ и друзьяхъ, нѣкогда встрѣчавшихъ первую главу поэмы (явилась въ 1825 г.). Пушкинъ такъ сильно чувствовалъ отсутствіе Онѣгина, что думалъ, какъ извѣстно, возвратиться къ нему уже и послѣ того, какъ полное, законченное изданіе поэмы въ 1833 г. завершило всѣ расчеты съ нимъ и прекратило всѣ старья его отношенія къ труду. Конечно, мысль была оставлена...

Вернуться снова къ труду своей молодости поэтъ уже не могъ. Другія задачи и совсѣмъ иное настроеніе художника требовали уже и новыхъ формъ созданія. Пушкинъ всецѣло предался мысли испробовать *реальный* романъ *въ прозѣ*, въ которомъ поэтический элементъ игралъ бы ту же роль, какую онъ играетъ въ «Wahrheit und Dichtung» Гёте, напримѣръ, гдѣ соединеніе историческихъ данныхъ съ вымысломъ и фантазіей такъ крѣпко сплочено, что оно еще не поддавалось и до сихъ поръ ношу критическаго анализа, силившагося много разъ раздѣлить это единство на составныя его части. Намъ осталось отъ Пушкина много повѣствовательныхъ отрывковъ, романовъ и разсказовъ, порванныхъ на первыхъ же главахъ своихъ. Если всѣ эти попытки, обѣщавшія, по тону и приемамъ своимъ, вырасти въ ше-дѣвры эпическаго искусства, были имъ брошены и забыты, то единственное объясненіе такому пренебреженію заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ обстоятельстве, что они не достаточно были широки и не обхватывали область явленій русской жизни въ той полнотѣ, какая нужна была поэту. Онъ мечталъ съ 1833 г. о романѣ, который оразилъ бы цѣликомъ многоразличныя стороны нашего общества за какую-либо часть его историческаго существованія, не исключая изъ картины и низшихъ слоевъ, на которыхъ это общество покоилось. Всего болѣе интересовало его и всего болѣе знакомо ему было общество послѣднихъ годовъ прошлаго царствованія, да онъ обладалъ и массой хорошихъ матеріаловъ для точнаго изображенія его въ художественно-реаль-

ной картинѣ: матеріалы эти слагались изъ его собственныхъ воспоминаній, изъ сношеній и связей его съ дѣйствующими лицами того времени, изъ рассказовъ бывалыхъ людей, имъ слышанныхъ и изъ личнаго знакомства со всѣми увлеченіями, похождениями и волненіями тогдашняго молодого поколѣнія. Въ 1835 году явился извѣстный романъ Бульвера: «*Pelham or the adventures of a gentleman, by Edward Bulver-Lytton*» (Пельгамъ или приключенія одного благороднаго господина, соч. Е. Бульвера-Лейтона), имѣвшій большой успѣхъ въ англійской и континентальной публикѣ вообще за вводъ въ раму романа очень схожихъ портретовъ съ важнѣйшихъ членовъ англійской аристократіи и англійскаго парламента, что было тогда новостію, и за характеръ главнаго героя Пельгама, добывающаго себѣ вліятельное мѣсто въ обществѣ и правительствѣ послѣ того, какъ перебывалъ во множествѣ закоулковъ блестящаго свѣтскаго и грубаго уличнаго порока и разврата и вынесъ изъ нихъ знаніе подкладки, оборотной стороны общественнаго строя и большую практическую опытность. О романѣ Бульвера будемъ еще говорить впослѣдствіи. Пушкинъ обратилъ на него свое вниманіе, заинтересованный его интригой, которая напоминала ему многое изъ того, что онъ самъ видѣлъ на вѣку своемъ. Онъ рѣшился, по слѣдамъ Бульвера, рассказать кое-что о Пельгамахъ русскаго происхожденія и воспитанія. Плодомъ этой мысли были программы романа, которыя теперь представляемъ читателямъ. Нужно ли прибавлять, что онъ не взялъ ни одной черты изъ англійскаго произведенія для своего плана, и оно остается только въ значеніи внѣшняго толчка, даннаго фантазіи поэта. Пушкинъ скоро пересталъ и называть своего героя русскимъ Пельгамомъ, какъ было-началь, перекрестивъ его просто въ нашего доморощеннаго *Пельмова*.

Четыре раза приступалъ Пушкинъ къ изложенію на бумагѣ плана будущаго распорядка и дѣйствія задуманнаго имъ романа, и плодомъ этого были четыре послѣдовательныя программы, расширявшія каждая все болѣе и болѣе рамки предпріятія. Изъ нихъ—двѣ первыя не совсѣмъ безызвѣстны нашей читающей публикѣ: онѣ были напечатаны въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 года (№№ 5 и 6) съ цензурнаго одобренія и съ незначительными пропусками, которые здѣсь восстанавливаемъ. Для пониманія основной идеи романа, мы принуждены были повторить ихъ въ этомъ отчетѣ. Двѣ послѣднія, еще неопубликованныя и, кажется намъ, наиболѣе важныя, освѣщаютъ многое изъ того, что едва намѣчено первыми и уже помогаютъ различить

цѣли и намѣренія автора съ нѣкоторой ясностью и опредѣленностью.

Вотъ первые два проекта повѣсти, приведенные «Библиографическими Записками».

I.

«Русскій Пеламъ—сынъ барина, воспитанъ французами. Отецъ его *frivole* въ русскомъ родѣ. Двоюродный братъ его ¹⁾... Пеламъ въ свѣтѣ—театръ, литераторы, картежники. Онъ свидѣтель безчестія одного молодого человѣка. Его дружба съ Θ . Ор. Онъ помогаетъ ему увести любовницу, отказывается отъ *игры фальшивой*. Братъ (т.-е. вышеупомянутый двоюродный братъ) въ игрѣ получаетъ пощечину, дуэль, братъ его струсилъ.

Ор. увозитъ дѣвушку; ея несчастное положеніе—бѣдность,—развратъ мужа—она влюбляется въ Пеламъ—связь ее съ нимъ—подозрѣнія мужа. Смерть Θ . Ор.

Пеламъ влюбляется въ женщину высшаго общества. Пеламъ въ большомъ обществѣ, любовь въ большомъ свѣтѣ. Отецъ его умираетъ. Пеламъ въ деревнѣ (эпизодъ жены Θ . Ор.). Сосѣди, жизнь русскихъ помѣщиковъ. Слышать о свадьбѣ двоюрод. брата, ѣдетъ въ Петербургъ. Братъ его дѣлается ему врагомъ, чернить его въ глазахъ правительства. Онъ высланъ изъ города (Θ . Ор. доходитъ до разбойничества—Пеламъ *son confident*). Онъ свидѣтель нападенія (NB—а не наказанія, какъ ошибочно напечатано въ «Библиогр. Зап.»). Онъ оправданъ самимъ Θ . Ор.»

Остановимся на этой первой программѣ. Итакъ, вотъ главные черты ея, которыя въ слѣдующихъ программахъ будутъ только полнѣть, крѣпнуть и рѣзче обозначаться. Въ родномъ домѣ Пеламъ, уже на первыхъ порахъ, встрѣчается съ загадкой, съ такъ-называемымъ двоюроднымъ братомъ своимъ, мальчикомъ сомнительнаго происхожденія. Затѣмъ, при выходѣ въ свѣтъ, онъ тотчасъ же окруженъ всей золотой молодежью того времени, въ числѣ которой почетное мѣсто занимаютъ и картежники. Съ однимъ изъ нихъ, Θ . Ор., онъ состоитъ на дружеской ногѣ

¹⁾ Здѣсь неразборчивая иностранная фраза: она должна содержать намекъ на то, что этотъ *двоюродный* братъ есть, какъ оказывается изъ слѣдующихъ программъ, побочный сынъ кн. Х... Это слѣдуетъ помнить читателю для пониманія дальнѣйшаго развитія программы.

и хотя отказывается поступить въ сословіе шулеровъ, но помогаетъ ему похитить дѣвушку и становится его повѣреннымъ даже и тогда, когда тотъ въ водоворотѣ удалого кутежа доходитъ до разбоя. Любовь къ дѣвушкѣ высшаго общества, куда Пеламъ тоже попадаетъ, неожиданно и скоро кончается отъѣздомъ въ деревню: Пелама высылаютъ изъ города по дѣлу Θ. Ор. Въ деревнѣ онъ хоронитъ отца, ведетъ жизнь помѣщика того времени, завязываетъ связи съ сосѣдями и съ дворней и проч. Двоюродный братъ его, наоборотъ, степенно женится, становится врагомъ Пелама, доноситъ на брата, который, между тѣмъ, оправдался отъ навѣтовъ его и, вѣроятно, опять является въ городъ, о чемъ программа, однако-жъ, не упоминаетъ, довольствуясь обозначеніемъ фактовъ и упуская вообще ихъ распределение и порядокъ ихъ постепеннаго возникновенія.

Таковъ первый набросокъ плана. При второмъ приступѣ къ нему, Пушкинъ, сохраняя главную основу романа неприкосновенно, вводитъ въ него новыя подробности, которыя отчасти дополняютъ, а отчасти даже и измѣняютъ фізіономію первоначальной тѣмы. Связь между обѣими программами заключается преимущественно въ общей имъ исторіи походовъ какаго-то свѣтскаго кутилы, обозначаемого буквами Θ. Ор. Скажемъ теперь же, что это недописанное имя не должно давать повода къ какимъ-либо догадкамъ о лицѣ, подъ нимъ скрывающемся, потому что въ сущности ни до кого не относится. Подъ нимъ собраны у Пушкина подвиги и черты множества свѣтскихъ кутиль, которыми такъ обилень былъ вѣкъ и которые, расточая безоглядно свою жизнь и свои силы, нерѣдко доходили до уголовныхъ преступленій. Старожилы еще помнятъ, какъ долго ходили по Москвѣ толки объ убійствѣ, совершенномъ двумя выдающимися свѣтскими молодыми членами высшаго общества, Ал. и Ша... на большой дорогѣ и надъ несчастнымъ игрокомъ, который, проигравъ имъ значительную сумму денегъ, хотѣлъ избавиться отъ этого долга чести бѣгствомъ изъ столицы...

II.

«Пеламъ выходитъ въ большой свѣтъ и, наскуча имъ, вдается въ дурное общество.

Въ обществѣ актрисъ и литераторовъ встрѣчаетъ Θ. Ор. и съ нимъ дружится, отказывается отъ игры на-вѣрное, помогаетъ ему увести дѣвушку.

Продолжаетъ свою безпутную жизнь. Связь его съ танцоркой, на щетъ Гр. З*.

Дуэль Ө. Ор. съ двоюроднымъ братомъ Пелама.

(Нещастная жизнь жены Ө. О.—Ор. доходить до нищеты и до разбойничества. Пеламъ узнаеть обо всемъ—уърываетъ его у себя)¹⁾.

Пеламъ влюбляется. Отець у него умираеть. Перемяна его. Онъ ссорится съ танцоркой.

Онъ сватается—ему отказываютъ.

Онъ ѣдетъ въ деревню.

Разбой —

Доносъ —

Судъ —

Тайный непріатель —

Письмо къ брату, отвѣтъ Тартюфа.

Узнаеть о свадьбѣ брата.

Отчаяніе —

Онъ освобожденъ по покровит. Ал. Ор.

Болѣзнь душевная.—Сплетни свѣта.—Уединенная жизнь.— Ор. пойманъ въ разбоѣ, Пел. оправданъ—получаетъ позволеніе ѣхать въ П.б.»

Заключеніе.

«Характеры:

Отець и его любовница. Двоюрод. братъ. (NB: здѣсь фраза зачеркнута и сверху надписано: выб...)... Ө. Ор.—Ал. Ор.—Кочубей, дочь его.—Кн. Шаховскій, Ежова.—Истомина, Гриб., Зав.—Домъ Всевол. (NB сверху приписано: Всевол. и О., т.-е. Овошникова). Котляревскій.—Мордвиновъ, его общество.—Хрущовъ.—Общество *умныхъ* (И. Долг., т.-е. Илья Долгоруковъ, С. Труб., т.-е. Сергѣй Трубецкой, Нив. Мур., т.-е. Никита Муравьевъ etc.).

Служба, юнкеръ гв., офицеръ гв., нѣмецъ начальникъ, *отставка*, долги, Нееловъ, Шишкинъ.

Похороны отца etc. Привычка къ роскоши. Обѣды, литераторы.—Ив. Козловъ.

Большое общество. Семья Пашковыхъ etc.

Игроки:

Ор.—Павловъ».

¹⁾ Скобки поставлены Пушкинымъ и должны были напоминать, что эпизодическая подробность эта относится къ позднѣйшей деревенской жизни Пелама.

(NB, всё подчеркнутыя слова и скобки согласны съ оригиналомъ).

Изъ этой второй программы мы узнаемъ внутренній распорядокъ, которому авторъ намѣревался слѣдовать въ романѣ. Русскій Пелама, послѣ всѣхъ своихъ похощеній въ столицѣ и послѣ того, какъ дѣвушка большого свѣта (см. пред. программу) отказывается ему въ рукѣ, остепеняется (не надолго) и уѣзжаетъ въ деревню принимать дѣла послѣ умершаго отца. Къ этому именно пребыванію героя въ деревнѣ, авторъ приурочиваетъ эпизодъ о разбоѣ *Θ. Ор.* — послѣдовавшемъ затѣмъ доносѣ и арестованіи Пелама, участіе котораго въ преступленіи значительно ослабляется: онъ только скрылъ у себя убійцу, а не былъ его повѣреннымъ при совершеніи кроваваго дѣла. Вѣроятно, этому эпизоду деревенскаго быта предшествовалъ еще другой, прежде намѣченный авторомъ о связи Пелама съ страдальцей, женой *Θ. Ор.* Покаместъ Пелама томился въ острогѣ, куда приведенъ былъ всего болѣе наговорами двоюроднаго брата, сдѣлавшагося тайнымъ заклятымъ врагомъ его, — послѣдній пользуется еще случаемъ, чтобы присвататься къ невѣстѣ заключеннаго и жениться на ней. Пелама успѣваетъ, однако же, оправдаться, выпущенъ изъ тюрьмы, благодаря особенно содѣйствію *Ал. Ор.*, и получаетъ дозволеніе ѣхать въ Петербургъ.

Программа тутъ не кончается. Существеннѣйшая часть, отличающая ее отъ всѣхъ другихъ, заключается въ томъ отдѣлѣ ея, который носить заглавіе «характеры» и сплошь состоитъ изъ однихъ именъ литераторовъ и лицъ, замѣчательныхъ по своему вліянію въ обществѣ или по репутаціи, приобретенной на разныхъ поприщахъ дѣятельности и различными способами. Отдѣлъ этотъ ясно намекаетъ на мысль Пушкина провести, подъ покровомъ романа, собственныя свои воспоминанія и сужденія о томъ времени, въ которое помѣстилъ свой рассказъ, обнаруживаетъ намѣреніе воскресить, подъ предлогомъ описанія жизненной обстановки Пелама, собственныя свои записки, нѣкогда имъ истребленныя. Тутъ всего болѣе занимательны и любопытны были бы мнѣнія и возрѣнія челоуѣка 1818—1825 годовъ на вожаковъ, на признанныхъ передовыхъ дѣятелей эпохи и на тѣ странныя личности, которыя добывали себѣ громкую извѣстность энергіей безпутства и порока. Всякій согласится, что подъ перомъ Пушкина отдѣлъ выросъ бы въ документъ значительной важности для историка, въ страничку изъ художественнаго изслѣдованія русской культуры, понятій, образа мыслей и жизни

тогдашняго общества. Отдѣль этотъ, по своему реальному характеру, какъ галлерей портретовъ съ натуры, долженъ былъ составлять, по всѣмъ вѣроятіямъ, только подробность, фондъ или грунтъ пушкинскаго произведенія; по крайней мѣрѣ, мастера повѣствовательнаго рода обыкновенно предпочитаютъ видѣть лицъ съ историческими именами въ качествѣ свидѣтелей разсказаемаго происшествія, а не пособниковъ и зачинщиковъ его. Что касается до настоящихъ героевъ романа, тѣхъ, которые у Пушкина создаютъ его интригу и дѣятельно участвуютъ въ развитіи событій, то здѣсь у мѣста будетъ сказать, что это герои вымышленные, хотя и очень близко напоминаютъ собой черты нѣкоторыхъ корифеевъ тогдашняго свѣтскаго быта; въ самихъ программахъ видны слѣды приспособленія ихъ къ разсказу, работы авторской фантазіи за ними, что значительно подрываетъ вѣру въ нихъ, какъ точныхъ копій съ какаго-либо дѣйствительно существовавшаго оригинала. Вообще близость къ вымыслу, опасное сосѣдство съ чистымъ творчествомъ, мѣшаетъ подобнымъ полу-историческимъ и полу-изобрѣтеннымъ лицамъ служить поясненіемъ или подтвержденіемъ какой-либо частной жизни или біографіи, что, однако же, нисколько не препятствуетъ имъ имѣть глубокое значеніе и содержаніе, какъ представителей извѣстнаго періода въ развитіи общества. Предостереженіе наше не покажется лишнимъ, особенно въ виду сокращенныхъ именъ и прозваній героевъ пушкинскаго романа, который возбуждаетъ охоту отыскивать подъ ними имена и прозванія извѣстныхъ дѣятелей прошлой эпохи, знакомыхъ намъ по преданіямъ и слухамъ. Всякая такая работа подбиранія фактовъ и свидѣтельствъ для оправданія нашихъ догадокъ, подозрѣній и гипотезъ, была бы бесплодной потерей времени. Причина ясна. Писатель, заслуживающій это названіе, никогда не имѣетъ дѣла цѣликомъ съ частнымъ лицомъ или цѣликомъ съ подробностями его жизни: отъ частнаго лица онъ отбираетъ только черту, общую ему съ современниками, а отъ подробностей его жизни—только тѣ, которыя могутъ быть обработаны для задуманной картины, причѣмъ всѣ остальные біографическія данныя челоуѣка измѣняются и искажаются писателемъ, по нуждѣ производства, до неузнаваемости. Художественные романы изъ современной намъ или ближайшей къ ней эпохи—иначе и не пишутся. Имена героевъ пушкинскаго романа, скрытыя подъ начальными буквами ихъ фамилій, ни къ кому отдѣльно примѣняться не могутъ и далеки отъ намѣренія разоблачать чьи-либо семейныя тайны. Собственно онѣ назначаемы были служить автору памятными значками для

созданія вполне независимыхъ и свободныхъ типовъ, когда наступить нужная для того минута, и исполняютъ въ программахъ его ту самую роль, какую играетъ, на примѣръ, отдѣльный музыкальный мотивъ, вызывающій въ умѣ всю пьесу или обломокъ стиха, напоминающій мгновенно цѣлое стихотвореніе, отъ котораго онъ отпалъ. Переходя снова къ программамъ, мы приведемъ двѣ послѣднія и увидимъ, что онѣ уже распадаются теперь на три отдѣльныхъ плана для трехъ исторій, тѣсно связанныхъ между собою: на исторію *Θ. Ор.*, исторію *Пельмова* (таково новое имя героя) и на исторію его брата съ добавлением исторіи еще одного петербургскаго щеголя *З** (*un élégant, Zav.*).

III.

«*Исторія Θ. Ор.*—*un mauvais sujet, des maîtresses, des dettes* (т.-е. пустой малый съ любовницами и долгами). Онъ влюбляется въ бѣдную вѣтреную дѣвушку, увозить ее; первые года роскоши, впадаетъ въ бѣдность, *cherche des distractions chez ses premières maîtresses, devient escroc et duelliste* (т.-е. ищетъ утѣшенія у старыхъ своихъ любовницъ, становится мошенникомъ и дуэлистомъ), доходить до разбойничества, зарѣзываетъ Щепочкина, застрѣливается (или исчезаетъ).

Исторія Пельмова. Онъ знакомится съ *Θ. О. dans la mauvaise société* (въ дурномъ обществѣ), помогаетъ ему увести дѣвушку, отказывается отъ фальшивой игры, на дуэль секундантомъ у него—узнаетъ отъ него объ убійствѣ Щ., *devient l'exécuteur testamentaire de Θ. Ор.* (т.-е. дѣлается душеприказчикомъ *Θ. Ор.*), попадаетъ въ подозрѣніе (онъ даетъ ломбардный билетъ Щеп.) ¹⁾. Обращается къ *Ал. О.* изъ крѣпости.

Исторія брата его. Онъ зарывается въ канцеляріи, отрывается отъ своей матери, дѣлается врагомъ Пельмову, выходитъ въ люди, въ секретари Чуполя, преслѣдуетъ тайно своего брата, сватается за его невѣсту—и женится на ней.

Мать его (княг. *Х.*) расточаетъ деньги *Все**—для Норовова, котораго обыгрываетъ шайка *Θ. О.* и который получаетъ пощину, etc.

¹⁾ Фраза въ скобкахъ написана поверхъ зачеркнутой: „онъ носитъ часы Щеп.“; черезъ строчку опять цѣлая фраза, тоже зачеркнутая: „уѣзжаетъ въ деревню, смерть отца его, эпизодъ крѣп. любви“.

Нат. К*—вступаетъ съ Пельмовымъ въ переписку, предостерегаетъ его, etc.

Une danseuse (танцовка). Пельмовъ съ нею знакомится, находитъ у ней Θ . Ор.

Пельмовъ воспитанъ у отца 7-ю французами, нѣмц., швед., англич. Отецъ имъ не занимается, но любитъ. Ссорится съ нимъ за Нороваго. Отецъ назначаетъ ему 1,000 въ годъ и выгоняетъ его. Умираетъ въ нищетѣ—сынъ его хоронитъ.

Бат. (NB. по зачеркнутому «Пельмовъ»—и вѣроятно Бату-ринъ—стихотворецъ) pour vivre traduit des vaudevilles (т.-е. для пропитанія себя переводитъ водевили)—Шах., Еж... etc. etc.»

Не заключая никакой отмѣны противъ предшествующихъ программъ,—развѣ назвать отмѣной переносъ сцены разбойничества изъ деревни въ городъ и того обстоятельства, что Пельмовъ уже содержится теперь въ крѣпости,—настоящая программа отличается однимъ дополненіемъ. Всѣ лица въ ней получили имена, большею частію вытянутыя изъ настоящихъ русскихъ фамилій, и два раза Пушкинъ оставилъ непередѣланными прямыя имена лицъ, съ которыхъ предстояло снять портреты. Свѣтская дѣвушка—предметъ страсти Пельмова—называется Нат. К*; мать двоюроднаго брата, отъ которой онъ отрекается, княг. X. Но повторяемъ: всѣ они, ясно обозначенные или слегка намѣченные, служили бы только матеріаломъ для образовъ и фигуръ, знакомыхъ всему свѣту, но съ которыми никто не встрѣчался—словомъ, для типовъ.

Мы имѣемъ даже и примѣръ такой переработки частныхъ явленій въ картины съ общимъ значеніемъ. Одна часть этой самой программы и соответствующія ей части прежнихъ получили у Пушкина нѣчто похожее на начало осуществленія въ послѣдовательномъ разсказѣ. Мы разумѣемъ тѣ два отрывка, которые впервые даны были посмертнымъ изданіемъ «Сочиненій» Пушкина, подъ общимъ заглавіемъ «Старинныя русскія странности». Отрывки носятъ еще и отдѣльныя оглавленія, а именно, первый: «Отрывки биографіи Н*», второй: «Записки М*», но оба составляютъ одно цѣлое, и писаны по указаніямъ нашихъ программъ, черты которыхъ сохраняютъ вполне, сообщая имъ вмѣстѣ съ тѣмъ уже широкое значеніе бытовыхъ картинъ. Первый отрывокъ рисуетъ въ крупныхъ чертахъ причуды богатаго самодура-помѣщика, вояжирующаго по Россіи съ волторщникомъ изъ иностранцевъ впереди и съ громаднымъ обозомъ за собой,

состоявшимъ изъ учителей, мадамовъ, дураковъ, карловъ, борзыхъ собакъ, псарей, роговой музыки, провизіи, мебели, кухни и проч. Онъ и долженъ былъ раззориться и умереть въ нищетѣ, какъ говорятъ и программы. Второй отрывокъ еще въ большей мѣрѣ слѣдуетъ внушеніямъ ихъ, чѣмъ первый. Въ немъ изображаются умирающая мать ребенка—Пелымова, водвореніе въ домѣ посторонней женщины, видной бабы уже не первой молодости, которая тутъ называется Анной Петровной Вирлацкой (кн. X...—программы), появленіе тамъ же расшаркивающегося мальчика въ красной курточкѣ съ манжетами, котораго приказываютъ мальчику Пелымову называть братцемъ (двоюродный братъ Наградскій—программы), затѣмъ ссоры, драки, шалости между ними, которыя заставляютъ Вирлацкую уговорить отца, чтобы онъ послалъ Пелымова по 15-му году за-границу, въ университетъ, для окончательнаго образованія, что и дѣлается. Отсылаемъ читателя къ отрывкамъ, прибавляя къ этому, что на 4—5 страничкахъ, занимаемыхъ ими обыкновенно въ изданіяхъ, Пушкинъ высказалъ такъ много свойственнаго ему спокойнаго мастерства и творчества, что каждый читатель, который пробѣжитъ ихъ еще разъ, послѣ всего сказаннаго теперь, легко пойметъ, какую утрату понесла русская публика отъ несбывшагося намѣренія поэта написать социальный романъ въ томъ же духѣ и съ тѣми же художественными приемами. Между прочимъ, нельзя забыть человѣка, рассказы котораго о своей роднѣ и о фамильныхъ преданіяхъ своей семьи такъ много занимали Пушкина, почтеннаго П. В. Нащокина. Оба отрывка, о которыхъ говоримъ, передаютъ множество подробностей, сообщенныхъ поэту этимъ неизмѣннымъ, любимымъ другомъ его, какъ въ томъ были убѣждены всѣ, впервые отрывшіе ихъ въ бумагахъ Пушкина. Не даромъ и поэтъ постоянно, въ продолженіи многихъ лѣтъ, начиная съ 1822 г., письменно убѣждалъ скромнаго друга изложить на бумагѣ свои воспоминанія, не даромъ также просиживалъ съ нимъ, когда бывалъ въ Москвѣ, цѣлыя сутки, слушая его исповѣди, и даже предлагалъ себя, изъ желанія помочь литературной неопытности собесѣдника, а отчасти и его лѣности, въ аккуратнаго писца, который подъ его диктовку станетъ передавать связно его отрывочныя воспоминанія. Такъ казались онѣ ему нужны и любопытны!

Четвертая, дополнительная программа, слѣдующая теперь, свидѣтельствуетъ, однакоже, что, по мысли Пушкина, романъ не слѣдовалъ бы рабски за одной домашней исторіей, выбранной для его завязки, а собралъ бы воевругъ нея много другихъ та-

нихъ же домашнихъ исторій изъ другихъ круговъ общества и былъ бы сводомъ преданій, полученныхъ съ различныхъ сторонъ. Программа вводитъ новую личность — петербургскаго дэнди, Зав* — и онъ занимается ею съ тою же подробностію, какъ прежде занимался личностію удалого молодца, которая проходитъ черезъ всѣ три предшествующія программы. Иногда даже можетъ показаться, слѣдя за обоими героями, что въ концѣ-концовъ авторъ имѣлъ намѣреніе передать этой новой, элегантнои личности ту роль, которую прежде игралъ ея антиподъ — бѣшеный и грубоватый *Θ. Ор.* Но такъ-какъ предположеніе это встрѣчаетъ большое затрудненіе въ невозможности допустить перевода своеобразныхъ подвиговъ послѣдняго на болѣе изящное и мягкое лицо, то приходится думать, что новая личность назначалась у Пушкина для одновременнаго представленія двухъ разныхъ типовъ одного и того же разгула, порожденныхъ одной и той же общественной средой. Слово для большаго выраженія этой разницы значительная часть программы изложена по-французски.

IV ¹⁾.

«I. Воспитаніе. Смерть матери. Явленіе кн. Х... съ Наградскимъ; мои спибки съ нимъ, его сплетни. Гувернеры. — *Jизнь отца. Il reçoit bonne compagnie en fait d'homme et mauvaise en fait de femme* (т.-е. онъ принимаетъ изъ мужчинъ порядочныхъ людей, а женщинъ плохой репутаціи). Я выхожу въ службу и въ свѣтъ.

II. Свѣтская жизнь петербургская. Получаю часть моей матери: балы, скука большаго свѣта, происходящая отъ бранчивости женщинъ; по примѣру молодежи удаляется въ холостую компанію, дружится съ *Zav.* (*Θ. Ор.*) ²⁾.

III. Общество *Zav.* — *les parasites, les actrices, sa mauvaise réputation, il devient amoureux. Пелы... est son confident.* (т.-е. прихлебатели, актрисы, онъ приобрѣтаетъ дурную славу, влюбляется *Пол.* его повѣренный ³⁾).

¹⁾ Программа уже раздѣлена на главы, изъ которыхъ половина этой первой уже получила и отдѣлку, какъ выше показано.

²⁾ Имя прежняго героя, поставленное въ скобкахъ, или показываетъ, что Пелымовъ встрѣтилъ его у *Zav.* или что авторъ думалъ замѣнить его лицомъ послѣдняго.

³⁾ Въ обѣихъ главахъ нѣкоторыя черты изъ отношеній Пелымова къ *Θ. О.* переносятся на *Zav.*, подтверждая догадку, что авторъ колебался въ окончательномъ выборѣ одного изъ нихъ для романа.

IV. Enlèvement. P* devient aux yeux du monde un mauvais sujet. C'est alors qu'il est en correspondance avec N. Il reçoit sa première lettre au sortir de chez la Istom. qu'il console du mariage de Zav. (т.-е. Похищение. П* (Пелымовъ) дѣлается въ глазахъ свѣта пустымъ малымъ. Въ то самое время начинается его переписка съ Н* (Наг. К. прежнихъ программъ). Онъ получаетъ первое ея письмо, выходя отъ Истом. (Истоминной), которую утѣшаетъ въ женитьбѣ Zav.).

V. La porte de Чок. lui est refusée, il ne la voit qu'au théâtre. Il apprend que son frère est secrétaire de Чок. (т.-е. домъ Чок.—Чуполяя прежнихъ программъ—ему запертъ. Онъ видитъ ее только въ театрѣ, узнаетъ, что братъ его состоитъ секретаремъ при Чоколеѣ).

VI. Vie splendide de Zav. Il donne des diners et des bals. Embarras domestiques. Créanciers, jeu (т.-е. роскошная жизнь Zav, даетъ обѣды и балы. Домашнія затрудненія. Кредиторы, игра).

VII. Норовой et son duel (его дуэль).

VIII. Scène chez le père (т.-е. сцена съ отцомъ,—упомянутая прежде, какъ и дуэль Нороваго).

IX. Explication avec Zav. (объясненіе съ Zav.).

X. P. rompt avec Zav. (Пелымовъ разрываетъ связи съ Zav.)».

НВ. Здѣсь послѣ перерыва Пушкинъ опять возвращается къ старому дѣйствующему лицу Θ . О. и продолжаетъ программу, но съ другой нумераціей:

«I. Continuation des amours de P. (Продолженіе любовныхъ похощеній Пелымова).

II. La femme de Z. Le mari devenu Θ . Op. Ses nouveaux compagnons: leurs exploits. Ils arrêtent dans la rue P*. Θ . Op. le reconnait et tourne la chose en plaisanterie (т.-е. жена Зав.; мужъ дѣлается Θ . Op. Новые его товарищи; подвиги ихъ. Они останавливаютъ Пелымова на улицѣ, Op. узнаетъ его и обращаетъ все дѣло въ шутку) ¹⁾.

¹⁾ Съ боку этой главы написано рукой автора: „le chapitre après la catastrophe“ (помѣстить главу вслѣдъ за катастрофой). Въ началѣ ея есть какая-то путаница. По привычкѣ Пушкинъ написалъ „Zav—brigand“, зачеркнулъ и надписалъ „La femme du Z. Le mari devenu Op“. Тутъ пропущено слово „ami“, или другое синонимическое этому, и фраза должна читаться: „мужъ дѣлается другомъ Op.“. Отъ смѣшенія обоихъ именъ героевъ въ мысли автора, у него иногда смѣшиваются ихъ опредѣленія. Такъ, мы выпустили въ предшествующей программѣ и въ характеристикѣ Op. неожиданное упоминаніе о З. „Un élégant, un Zav.“.

III. *Maladie, delaissement et mort du père de P** (болѣзнь, одиночество и смерть Пелымова-отца).

IV. *Situation du frère* (положеніе брата).

V. *Assassinat* (убійство).

VI. >

Собравъ всѣ программы Пушкинскаго романа, сличивъ ихъ и прослѣдивъ по нимъ, насколько было возможно, мысль Пушкина, мы имѣемъ уже нѣсколько основаній для приблизительнаго заключенія о завязкѣ и содержаніи, какія авторъ намѣревался развивать въ немъ. Конечно, выводы наши никогда не получатъ характера полной достовѣрности, такъ-какъ черты пушкинскихъ программъ могутъ быть, по усмотрѣнію каждаго, группированы въ различные узоры и картины, но, однакоже, въ программахъ этихъ есть, такъ сказать, неподвижныя, твердо поставленные факты и данныя, которые позволяютъ уловить какъ намъ кажется, главную идею романа, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея подробностяхъ, почти безъ опасенія ошибки.

На основаніи именно этихъ неизмѣнныхъ данныхъ, кажется, позволительно придти къ заключенію, что дѣло въ ненаписанномъ романѣ шло бы преимущественно о сынѣ пустого, расточительнаго и вскорѣ обнищавшаго русскаго барина. Сынъ этотъ (Пелымовъ романа), лишившійся въ малолѣтствѣ своей матери, встрѣчается на порогѣ жизни съ опекуной, которая поселяется въ самомъ домѣ его отца, куда приводитъ за собой и мальчижа, невзвѣстнаго происхожденія. Тайственный приемышъ, котораго рекомендуютъ Пелымову подъ именемъ двоюроднаго брата, воспитывается вмѣстѣ съ нимъ. Съ первой же встрѣчи они обнаруживаютъ чувство непріязни другъ къ другу, уже предвѣщающее въ нихъ будущихъ заклятыхъ враговъ. Пелымова отправляютъ за-границу и вскорѣ возвращаютъ оттуда, для опредѣленія на службу въ гвардейскій кавалерійскій полкъ. Иначе складывается судьба двоюроднаго брата. Пелымовъ, сдѣлавшись полноправнымъ обладателемъ значительнаго имѣнія своей матери, безъ расчета и осмотрительности предается, при вступленіи въ свѣтъ, всѣмъ соблазнамъ и наслажденіямъ его, завязываетъ путныя и безпутныя знакомства и увлеченъ ими на край пропасти, въ уголовное преступленіе, на границѣ котораго только и останавливается. Спасенный постороннимъ вмѣшательствомъ, онъ обнаруживаетъ способность понимать нравственное убожество своей жизни, испытывать тоску и страдать совѣстію. Осторожнѣе и рѣшительнѣе дѣйствуетъ двоюродный братъ. Онъ также на

первыхъ порахъ погружается въ омутъ свѣта, но оттолкнутый товарищами, скоро усмотрѣвшими бѣдность и мелюту его характера (великодушность и готовность отвѣчать за свои поступки были между ними обязательны), мгновенно повертывается въ другую сторону. Онъ становится дѣловымъ человѣкомъ, служавой, бюрократомъ и вырабатываетъ изъ себя типъ образцоваго молодого человѣка, *très compe il faut*, съ блестящей будущностію впереди. Тогда и завязывается между нимъ и Пельмовымъ та жизненная дуэль, которая должна была составить перипетіи романа и кончиться неизбежно поражениемъ вѣтреннаго, безпечнаго, но внутренне-благороднаго и честнаго кутилы. Двоюродный братъ употребляетъ всѣ усилія, чтобы очернить Пельмова въ глазахъ свѣта и правительства, способствуетъ его заключенію въ тюрьму или крѣпость, и наконецъ перебиваетъ у него невѣсту и женится на ней. По мысли Пушкина, эта домашняя исторія должна была развиваться въ средѣ всего общества столицы, окруженная всѣмъ людомъ безъ исключенія: актрисами, танцовками, литераторами, государственными лицами эпохи, салонами вліятельныхъ мужей, такими же эксцентрическаго характера и тѣми, въ которыхъ золотая молодежь расточала достояніе многихъ поколѣній своихъ предковъ; наконецъ свидѣтельницами этой исторіи должны были сдѣлаться и дома высшаго свѣтскаго круга, гдѣ Пельмовъ помѣщается, между прочимъ, и свою первую истинную любовь, не говоря уже о массѣ уличныхъ героевъ, эпикурейцевъ низшаго разряда, которые составили бы ея свиту. Рамка повѣсти, судя по программамъ, захватывала цѣлкомъ общественную лѣтопись нашу въ промежутокъ времени отъ 1818 по 1825. Пушкинъ не обошелъ при этомъ и возникновенія новаго явленія на Руси безъ вниманія: программы его упоминаютъ о той части молодежи, которая, будучи окружена всѣми изысканными удобствами культуры и развитой общественности, жила строгой, почти аскетической жизнію мыслителей и гнушалась забавами своихъ сверстниковъ. Пушкинъ собралъ нѣкоторыя имена представителей этого критическаго и оппозиціоннаго кружка подъ особой рубрикой «общество умныхъ». Было бы очень любопытно видѣть, что осталось у него въ умѣ и воображеніи отъ этихъ избранныхъ личностей въ 1835 г. и какъ онъ тогда судилъ о нихъ. Да и не одинъ столичный міръ, со всѣми его корифеями, входилъ бы въ рамку повѣствованія; Пушкинъ собирался еще отгѣнить міръ этотъ картинами деревенской помѣщицкой жизни, крѣпостной любви, похожденіями въ глуши сель и деревень, которыя не менѣе столицы давали просторъ разгулу

и буйной фантазіи и не менѣе ея вызывали слезъ и страданій. Все это вмѣстѣ взятое составило бы, конечно, у Пушкина изображеніе нравственной фізіономіи русскаго общества во вторую послѣднюю половину царствованія Александра I, и сдѣлало бы изъ романа поэта соціальныи романъ великаго значенія и достоинства.

Со всѣмъ тѣмъ остается еще одинъ неразрѣшенный и довольно трудный вопросъ: какую основную мысль проводилъ новый романъ, какія качества дали герою его, Пельмову, право такъ сильно занимать воображеніе поэта въ продолженіи цѣлыхъ двухъ лѣтъ, какія цѣли поставлялъ себѣ авторъ, соображая постройку и расположенія своего произведенія? Нельзя же полагать, что онъ имѣлъ только въ виду нарисовать картину нравовъ извѣстнаго времени, не прибавляя къ ней отъ себя ни одного слова. Еще менѣе позволительно думать, что Пушкинъ ограничился бы простымъ изображеніемъ борьбы и соперничества между двумя пошловатыми родственниками. Нѣкоторый отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ вышеупомянутый романъ Бульвера «*Pelham, or the adventures*» и проч. Конечно, не мелодраматическій складъ этого посредственнаго произведенія англійскаго писателя приковалъ къ нему вниманіе Пушкина: оно написано съ начала до конца во вкусѣ чудовишнаго французскаго романтизма 30-хъ годовъ и исполнено невѣроятныхъ запутанныхъ приключеній героя, всегда торжествующаго надъ людьми и обстоятельствами. Но романъ приобрѣлъ значительный успѣхъ въ своемъ отечествѣ, а затѣмъ и на континентѣ Европы, благодаря тому, что, ранѣе Диккенса, далъ нѣсколько народныхъ англійскихъ типовъ, хотя еще очень блѣдно изображенныхъ, представилъ нѣсколько портретовъ изъ руководящихъ кружковъ англійской аристократіи, хотя и не мастерски написанныхъ, но безъ прикрасъ и искусственныхъ позъ, какими живописцы по ремеслу снабжали ихъ, вообще благодаря попыткѣ автора окружить реальными характерами нелѣпо придуманное и усиленно вздутое происшествіе, о чемъ мы уже говорили. Извѣстно, что основу романа составляетъ криминальное, разбойничье дѣло, которое даетъ автору случай ввести своего героя-обличителя въ самыя глухія труппы Лондона, показать его въ обществѣ завязатыхъ уличныхъ негодяевъ, выкинутыхъ на свѣтъ пьяными тавернами, посмотреть на него въ средѣ всѣхъ страшныхъ элементовъ англійскаго пролетаріата, а затѣмъ изобразить того же героя посреди блестящихъ политическихъ салоновъ, подъ кровомъ богатыхъ земельныхъ лордовъ и въ сношеніяхъ съ мелкими честолюбцами, рыскаю-

щими на подобіе шакаловъ вокругъ парламента, въ ожиданіи мѣсть и добычи. Пельгамъ чувствуетъ себя какъ дома промежь всего этого разнообразнаго люда: онъ — *свой* въ мірѣ джентльменовъ Альбіона и въ мірѣ его нищихъ;—но не этими чертами онъ привлекъ вниманіе Пушкина, а одной симпатической чертой характера, которая сроднила его съ мыслию поэта и окрѣпла въ ней до того, что возбудила намѣреніе противопоставить англійскому Пельгаму русскаго человѣка съ той же самой психической особенностію. Пельгамъ обнаруживаетъ именно способность нисходить въ глубокую тину порока, не мараясь самъ, и возвращаться изъ нея нравственно чистымъ; онъ словно заговоренъ отъ прикосновенія грязи къ своему моральному существу, какъ нѣкоторые сказочные богатыри нашихъ легендъ слыли заговоренными отъ прикосновенія пули, и выходить изъ всѣхъ искушеній и паденій съ свѣжимъ нетронутымъ чувствомъ, съ простымъ и чистымъ сердцемъ. Эту черту героя, едва намѣченную Бульверомъ, собирався, по нашему мнѣнію, развить Пушкинъ далѣе и подробнѣе въ русскомъ его снимкѣ. Правда, что тайна этой необычайной выдержки у англійскаго оригинала заключается въ томъ, что Пельгамъ имѣетъ важную жизненную задачу, который посвящаетъ всего себя—онъ пробирается въ общественные дѣятели: грубые и изящные пороки, постыдное или благородное выраженіе страсти — одинаково служатъ ему, надѣлая его опытомъ, дѣлая его необходимымъ для всѣхъ, закаляя его характеръ и приготавливая изъ него въ будущемъ *политическую силу*, уже всѣми предчувствуемую заранѣе. У русскаго его близнеца не могло быть и помина о такой дѣли: онъ долженъ былъ опираться на одну свою благодатную природу, безъ всякой поддержки со стороны предвзятой идеи, хотя такая идея существовала у самого Пушкина. Задачи творчества и художественныя дѣли доставляли ему не менѣе сильную нравственную опору, чѣмъ политическіе расчеты Пельгама, и вынесли его изъ водоворота свѣта и житейскихъ бурь вполне свѣтлой, незапятнанной личностію. Но положеніе Пушкина было исключительное...

У лица, созданнаго Бульверомъ, была и еще черта, понимаемая вполне, можетъ быть, тоже однимъ Пушкинымъ изъ всѣхъ его современниковъ. Бульверъ довольно поверхностно, вяло и вскользь упоминаетъ, что Пельгамъ отличался еще упорнымъ, усидчивымъ кабинетнымъ трудомъ. Всѣ урывки отъ времени, занятаго исваніями, похождениями, удовольствіями свѣта, англійскій Пельгамъ, по сказанію его лѣтописца, посвящалъ ученію,

по строго-обдуманному плану, содержа въ глубочайшей тайнѣ отъ друзей и знакомыхъ свои занятія и выставляя передъ ними на видъ одно желаніе добиться славы непогрѣшимаго дэнди. Покамѣстъ окружающіе его думаютъ, что онъ отдыхаетъ послѣ своихъ подвиговъ въ салонахъ и вертепахъ мошенниковъ, собираясь на новые, Пельгамъ, крѣпко запершись въ кабинетѣ, сидитъ за фоліантами, учеными трактатами и проч. Открытіе его секрета было бы для него равносильно личному, нанесенному ему оскорбленію. Онъ пуще всего на свѣтѣ боится, чтобы кто-либо не заподозрилъ въ немъ серьезный складъ ума, не открылъ у него качество солиднаго образованія, и употребляетъ на утайку своихъ познаній и достоинствъ болѣе хитрости и настойчивости, чѣмъ другой на прославленіе тѣхъ, которыхъ не имѣетъ. Пельгамъ готовится сразу, когда наступитъ надлежащая минута, удивить и подчинить себѣ самые непокорные умы. Конечно, мудро было Пушкину найти вокругъ себя на Руси что-либо подобное этому англійскому типу (развѣ вздумалось бы ему поискать нѣкоторые задатки его въ себѣ самомъ), но въ замѣнъ дальнее ослабленное подобіе его находилось, такъ сказать, подъ рукою у поэта. Болѣе простое, болѣе мягкое и даже болѣе понятное отраженіе честно-шумной, благородно-странной, безпокойной жизни Пельгама представлялось въ лицѣ вѣрнаго друга Пушкина, дѣтски-добраго, довѣрчиваго и впечатлительнаго П. В. Нащ—на, о которомъ уже упоминали. Съ него, по нашему мнѣнію, и намѣревался Пушкинъ взять главныя, основныя черты лица и фигуры *«русскаго Пельгама»*. Дѣйствительно, по количеству необычайныхъ похожденій, по числу связей, знакомствъ всякаго рода, по ряду неожиданныхъ столкновеній съ людьми, катастрофъ и семейныхъ переворотовъ, испытанныхъ имъ, — другъ Пушкина, насколько можно судить по преданіямъ и слухамъ о немъ, очень близко подходитъ къ типу «бывалаго чело-вѣка» Бульвера, уступая ему въ стойкости характера, въ дѣльности и полнотѣ внутренняго содержанія. За то онъ, еще лучше отвѣчалъ намѣренію Пушкина—олицетворить идею о чело-вѣкѣ, нравственно, такъ сказать, изъ чистаго золота, который не теряетъ цѣнности куда бы ни попалъ, гдѣ бы ни очутился. Рѣдкіе умѣли бы такъ сберечь чело-вѣческое достоинство, прямоту души, благородство характера, чистую совѣсть и неизмѣнную доброту сердца, какъ этотъ другъ Пушкина въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ жизни, на краю гибели, въ омутѣ слѣпыхъ страстей и увлеченій и подъ ударами судьбы и несчастья, большею частію имъ самимъ и накликаемыми на себя. Пуш-

кинъ высоко цѣнили нравственный характеръ друга и любилъ слушать его тихую скромную рѣчь, которая постоянно обнаруживала честность его природы и свѣтлые инстинкты души, сохраненные имъ на зло людскимъ измѣнамъ, предательствамъ и оскорбленіямъ. На все это есть много доказательствъ въ перепискѣ поэта. Наибольше существенное доказательство тѣхъ же самыхъ положеній оставилъ намъ, однако же, авторъ «Переписки съ друзьями» Н. В. Гоголь. Недавно опубликовано его письмо къ П. В. Н—ну (см. Русский Архивъ, 1878, № 1). Строгий моралистъ нашъ, требовавшій христіанскихъ доблестей отъ каждаго человѣка, Н. В. Гоголь не усомнился предложить Н—ну мѣсто воспитателя и руководителя дѣтей въ богатомъ петербургскомъ домѣ негоціанта Д. Е. Бенардаки. Нѣтъ сомнѣнія, что Н. В. Гоголь, коротко знавшій мнѣнія и сужденія Пушкина о близкихъ ему людяхъ вообще и о Н—нѣ въ особенности, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ подъ впечатлѣніемъ слышаннаго имъ отзыва поэта о московскомъ другѣ. Личныя сношенія и наблюденія еще подтвердили отзывъ поэта и укрѣпили Н. В. Гоголя въ мысли, что человѣкъ, подобно Н—ну, испытавшій бури жизни въ таковой степени, какая не часто встрѣчается на тихихъ моряхъ русскаго гражданскаго существованія, и не потерявшій при этомъ теплоты чувства и вѣры въ человѣчество — исполнить роль педагога лучше всякаго кабинетнаго ученаго, поблѣднѣвшаго на теоріяхъ воспитанія. Письмо Н. В. Гоголя подробно развиваетъ тѣму, что опытъ, вынесенный такимъ своеобразнымъ педагогомъ изъ его сношеній со свѣтомъ, самъ по себѣ составляетъ уже науку и весьма важную при воспитаніи дѣтей, которымъ предстоитъ та же дорога въ свѣтъ и которыя могутъ поучаться на живомъ примѣрѣ, какъ оберегать моральныя основанія въ его шумѣ. Можно бы прибавить къ этому, что подобному *наглядному преподаванію* своего рода не мѣшаетъ даже и соображеніе, что опытъ и пониманіе свѣта оказались бесплодными для устройства жизни самого учителя.

Здѣсь кончаемъ замѣтки о приведенныхъ нами программахъ Пушкина. Читатель, можетъ быть, простить эту долгую остановку на планѣ несостоявшагося, ненаписаннаго еще романа, принявъ въ соображеніе, что она становилась необходимою при желаніи прослѣдить всѣ литературныя замыслы поэта передъ концомъ его поприща, упразднившаго ихъ навсегда.

Эти же слова примѣняются и къ плану большой фантастической драмы, оставленному Пушкинымъ, къ которому теперь и переходимъ. Здѣсь поэтъ нашъ уже покидаетъ область русскаго,

реальнаго, такъ сказать, творчества и переносится въ другую, въ область западныхъ народныхъ сказаній и представленій, гдѣ и прежде чувствовалъ себя совершенно полноправнымъ гражданиномъ. Натурализацію эту онъ купилъ инстинктивнымъ художническимъ пониманіемъ духа, умственного слада, психеи тѣхъ иноземныхъ племенъ, къ которымъ обращался за мотивами для своихъ произведеній. Новая предполагаемая драма назначалась видимо умножить собою отдѣлы драматическихъ очерковъ и сценъ, навѣянныхъ Пушкину жизнію и творчествомъ западной Европы. Извѣстно, что на заимствованіяхъ этого рода Пушкинъ созидалъ картины и образы глубокаго содержанія, ярко отражавшіе, съ одной стороны, нравственныя особенности и культуру того народа, гдѣ происходитъ дѣйствіе драмы, а съ другой, обнаружившіе въ каждой такой специальной культурѣ элементы общаго значенія. По многимъ чертамъ программы можно заключать, что тѣми же родовыми признаками Пушкинскихъ заимствованій отличалась бы и новая драма, несмотря на свой фантастическій характеръ, каковымъ и должна была окрашиваться одна изъ самыхъ странныхъ легендъ Европы, легенда о папессѣ Іоаннѣ. Выборъ Пушкина имѣлъ однакожь въ основаніи соображенія реальнаго характера. Но прежде, чѣмъ подробнѣе говорить о причинахъ такого выбора, слѣдуетъ привести программу Пушкина, что и исполняемъ здѣсь. Она писана по-французски и уже подраздѣлена поэтомъ на акты.

«Acte I.

«La papesse—fille d'un honnête artisan, étonné du son savoir. La mère vulgaire n'y voyant rien de bon. Gilbert (имя отца папессы) invite un savant à venir voir sa fille—le prodige de famille. Préparatifs, où la mère est seule à faire tout.

Jeanne devant St. Simon. Le savant (Le démon du savoir) arrive au milieu de tout ce monde invité par Gilbert. Il ne parle qu'avec Jeanne et s'en va. Comméragе des femmes—joie du père—soucies et orgueil de la fille. Elle fait tout pour aller en Angleterre étudier à l'université» ¹⁾.

1) Актъ I. Папесса—дочь честнаго ремесленника, изумленнаго ея познаніями. Пошловатая мать не ожидаетъ ничего добраго изъ этого. Жильберъ (т.-е. отецъ папессы) приглашаетъ ученаго человѣка побесѣдовать съ дочерью—чудомъ семьи. Приготовленія. Мать одна только и работаетъ за всѣхъ.

Жанна передъ св. Симономъ. Ученый (демонъ знанія) является посреди множества людей, наприглашенныхъ Жильберомъ. Онъ говоритъ съ одной Жанной и уходитъ. Пересуды женщинъ—заботы (NB, во французскомъ текстѣ Пушкина видимо про-

«Acte II.

Jeanne à l'université, sous le nom de Jean de Mayence. Elle se lie avec un jeune gentilhomme espagnol (amour, jalousie, duel—*en recit*). Jeanne soutient une thèse et est faite docteur.

Jeanne prieur d'un couvent; règle austère qu'elle y établit. Les moines se plaignent.

Jeanne à Rome; Cardinal. Le pape meurt; elle est faite pape¹⁾.

«Acte III.

«Jeanne commence à s'ennuyer. Arrive l'ambassadeur d'Espagne —son condisciple. Leur reconnaissance. Elle le menace de l'Inquisition et lui d'un éclat. Il penetre jusqu'à elle. Elle devient sa maîtresse. Elle accouche entre le Colisée et le couvent de... Le diable l'emporte²⁾».

Вот какая страничка наплась в тетрадах Пушкина. Съ первого раза можно подумать, что поэтъ хотѣлъ посвятить ее драматизированному шуточному разсказу во вкусѣ французскихъ *fabliaux* или въ кощунской манерѣ Раблэ, Боккаччо, Вольтера, но пробѣжавъ далѣе нѣсколько строкъ программы, убѣждаешься, что тутъ развивается очень серьезная мысль. Пушкинъ имѣлъ въ виду совсѣмъ не осмѣяніе или оскорбленіе великаго западнаго института папства, подѣ кровомъ котораго Европа только и находила успокоеніе для своей мысли, а напротивъ, относится къ нему, какъ къ поруганной святынѣ въ своей программѣ. Задача ея состоитъ въ другомъ. Въ простомъ мѣщанскомъ семействѣ, съ тщеславнымъ отцомъ и простоватой матерью, является чудоребенокъ, въ лицѣ дѣвушки-Жанны, удивляющій народъ пытливостію ума и наблюденія, ранними познаніями. Слои мѣщанскаго быта, вообще, безпрестанно выкидывали изъ себя на западѣ не-

пушеды слова „de la mère“) матери, гордость дочки. Последняя добивается, чтобъ ее послали въ Англію, обучаться въ университетѣ.

1) Acte II. Жанна въ университетѣ, подѣ именемъ Жана Майнцакаго. Она завязываетъ сношенія съ однимъ молодымъ дворяниномъ испанцемъ (любовь, ревность, дуэль—*все въ разсказѣ*). Жанна защищаетъ диссертацию и провозглашена докторомъ.

Жанна — настоятельница монастыря. Строгій уставъ, который она водворяетъ тамъ. Монахи ропщутъ.

Жанна въ Римѣ—Жанна кардиналь. Умираетъ папа; она провозглашена папой.

2) Acte III. Жанна скучаетъ. Является испанскій посланникъ—прежній товарищъ ея. Они узнаютъ другъ друга. Она грозитъ ему инквизиціей; онъ грозитъ обличеніемъ. Онъ пробирается къ ней; она становится его любовницей. Она разрѣшается отъ бремени между Коллизеумъ и... монастыремъ... Дьяволъ уноситъ его (т. е. уноситъ ребенка, какъ слѣдуетъ догадываться по смыслу).

довольные, критическіе умы, провѣрившіе основы гражданскаго и нравственнаго существованія обществъ. Старые, историческіе порядки общежитія боролись съ ними тюрьмами и бострами, но тѣ изъ реформаторовъ, которые успѣвали избѣжать ихъ, передѣлывали міръ. Въ чемъ же состояло призваніе Жанны, не имѣвшей за собой ни великаго подвига, ни плодотворной идеи? Легенда о папессѣ, въ основаніи которой, какъ уже доказано, не лежитъ ни малѣйшаго историческаго факта, видимо, обязана возникновеніемъ своимъ *народному* вопросу, жившему въ массахъ, и который можетъ быть выраженъ такъ: если люди съ развратными и даже злодѣйскими наклонностями могутъ сдѣлаться избранныками божіими и занимать самое святое мѣсто на землѣ, не теряя, благодаря одному этому мѣсту, ни власти надъ душами, ни авторитета надъ совѣстію народовъ, то не все ли равно, кто бы его ни занималъ? Съ юморомъ, свойственнымъ вообще народному творчеству, легенда возводитъ на это мѣсто женщину и не чувствуетъ позора, дѣлая изъ престола первосвященника ложе для ея страстей и паденій, такъ какъ онъ прежде служилъ такимъ же точно ложемъ для людей—другого пола. Собственно легенда не есть еще протестъ противъ самаго папства, но она уже возвѣщаетъ его. Такъ понялъ ее и Пушкинъ, и собирался обработать въ этомъ смыслѣ.

Любопытно слѣдить, по программѣ, за чертами полу-реальнаго и полу-фантастическаго характера, которыми поэтъ думалъ овладѣть своей тѣмой и выразить ее сказочное и вмѣстѣ жизненное содержаніе. Чувствуется невольное, что волшебный и бытовой элементы приняли бы въ его рукахъ такое химическое соединеніе, что составили бы одно конкретное тѣло. Такъ демонъ принимаетъ у него образъ святого пустытника св. Симона для утвержденія въ Жаннѣ ея стремленій къ славѣ и могуществу посредствомъ *знанія*. И слова ложнаго святого, хотя и не упомянутыя въ программѣ, ясно отзываются въ энергическомъ домогательствѣ честолюбивой Жанны на скорый отъѣздъ въ университетъ. Внушенія ложнаго святого или демона были не что иное, какъ голосъ ея собственныхъ помысловъ. Послѣ приключеній въ университетѣ съ испанцемъ, Жанна, на подобіе своей соименницы, Жанны Орлеанской, налагаетъ на себя обѣтъ вѣчнаго цѣломудрія, умерщвляетъ свое сердце, становится суровымъ пріоромъ монастыря и, подъ покровомъ наружной святости, облачается въ кардинальскій пурпуръ и, наконецъ, восходитъ на папскую кафедру. Всѣ черты программы до такой степени просты, ясны, правдоподобны, несмотря на странность положеній,

что кажутся сокращенными указаніями къ какой-то главѣ изъ достовѣрной исторіи, въ родѣ, напримѣръ, исторіи о восшествіи на престолъ Сикста V. Въ третьемъ актѣ программы является уже чисто-фантастическій элементъ, но въ видѣ какъ-бы естественнаго продолженія драматическаго дѣйствія и жизни, имъ перерываемой. Ко двору Жанны является посланникомъ испанецъ, бывшій ея товарищъ по университету и знающій ея секретъ. Она борется съ нимъ отчаянно, пока простое, грубое насилие со стороны сластолюбиваго и мало-благочестиваго испанца не раскрываетъ ея слабую женскую природу. Жанна дѣлается любовницей своего оскорбителя и рождаетъ между двумя памятниками языческихъ и христіанскихъ возрѣній, традиціи которыхъ въ ней самой борются—между Колизеемъ и римскимъ монастыремъ (латеранскимъ?), а дьяволъ уноситъ этого ребенка, какъ свою законную добычу. Остается еще вопросъ, о которомъ программа умалчиваетъ совершенно. Зачѣмъ нужно было дьяволу это чашо грѣха и не сдѣлалъ ли онъ изъ него лицо, которое могло бы служить дополненіемъ къ драмѣ, оставшейся покаместъ безъ вывода и заключенія?

Читатель призванъ будетъ далѣе самъ судить, какую степень вѣроятности и убѣдительности имѣютъ наши доводы и предположенія, на основаніи которыхъ мы пришли къ твердому убѣжденію, что изъ дьявольскаго ребенка должно было образоваться лицо, пущенное Гѣте во всемірный оборотъ — именно пресловутый Фаустъ и притомъ не въ качествѣ доктора философіи и теологіи, а въ качествѣ предполагаемаго изобрѣтателя печатнаго станка. Драма Пушкина, кажется намъ, не могла ограничиться тремя вышеприведенными актами, а должна была еще показать, переступая черезъ пространство и время, въ близкомъ будущемъ, мстителя за оскорбленіе всѣхъ нравственныхъ началъ и народной совѣсти. Мститель этотъ не могъ иначе явиться, какъ въ олицетворенномъ образѣ типографскаго искусства, которое, возвышаясь надъ частными протестами, упразднить самую средне-вѣковую науку цѣликомъ, потрясетъ народныя вѣрованія, на ней основанныя, и распатаетъ много-вѣковый церковный престолъ, воспитавшій и оберегавшій ихъ всѣхъ подъ своимъ кровомъ.

Программа драмы, которой занимаемся, сопровождается еще любопытной припиской, обращенной поэтомъ уже къ самому себѣ. «Si c'est un drame, — говоритъ приписка, — il rappellera trop le Faust; il vaut mieux en faire un poème dans le style de Crisabel ou bien en octaves», т.-е: если составить изъ этого драму, то она будетъ сильно напоминать Фауста; не лучше-ли изло-

жить дѣло въ поэмѣ и въ стилѣ Кристabelle или написать октавами ¹⁾). Повидимому, это заявленіе самого автора программы должно бы устранить всякую догадку о возможномъ участіи Фауста въ будущей драмѣ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оно, вмѣсто того, подкрѣпляетъ догадку. Могло-ли явиться у поэта намѣреніе положить возможно большее разстояніе между Гётевскимъ произведеніемъ и своей тѣмой, еслибы, при составленіи программы, образъ средневѣкового легендарнаго героя, осуществленнаго нѣмецкимъ художникомъ, не виталъ постоянно передъ глазами Пушкина? Какъ бы родилось опасеніе слишкомъ близко подойти къ созданію Гёте, имѣя на рукахъ воспроизведеніе народнаго сказанія, совершенно различнаго по духу, содержанію и цѣлямъ съ задачами нѣмецкой драмы, и въ которомъ Фаустъ ни разу не упомянутъ и не введенъ въ среду дѣйствующихъ лицъ, — еслибы не было потаеннаго присутствія того же героя въ намѣреніяхъ автора? Имя знаменитаго сказочнаго доктора явилось въ припискѣ Пушкина потому, что оно существовало въ его мысли, а желаніе избѣжать непріятной съ нимъ встрѣчи — потому, что оно прежде входило въ творческіе расчеты поэта. Правда, Пушкинскій Фаустъ нисколько не походитъ на Гётевскій: это былъ собственный, домашній, такъ сказать, Фаустъ нашего поэта. Онъ отличается отъ своего первообраза тѣмъ, что у Пушкина является, въ послѣдней формаци, совсѣмъ не чело-вѣкомъ, измученнымъ своей мыслию и сознаніемъ напрасно потраченной жизни на ея развитіе, а просто гениемъ открытій, изобрѣтеній, научнаго прогресса, который знакомъ былъ и среднимъ вѣкамъ, но еще болѣе знакомъ нашему времени. О такомъ представленіи Фауста здѣсь не мѣсто распространяться. Теперь мы представляемъ только объясненіе вышеприведенной замѣтки Пушкина и, въ подкрѣпленіе нашего о ней мнѣнія, ссылаемся на другое произведеніе поэта, уже напечатанное и всѣмъ хорошо извѣстное: «Сцены изъ рыцарскихъ временъ», гдѣ Фаустъ долженъ былъ явиться въ дальнѣйшемъ несостоявшемся

¹⁾ Кристabelle—Christabel—есть названіе поэмы Кольриджа, англійскаго поэта 20-хъ годовъ, принадлежавшаго къ извѣстной группѣ шотландскихъ лэкистовъ. Она передаетъ въ отрывочномъ, фрагментарномъ видѣ и въ ультра-романтическомъ и распущенно-гениальномъ тонѣ разныя, наиболѣе чудныя сказанія изъ средневѣковаго міра, стиль которыхъ и подражаетъ. Она нравилась особенно изысканнымъ вкусамъ любителей словесности, пресыщенныхъ чтеніемъ поэмъ и романовъ, которые и называли произведеніе Кольриджа дявольски-изящнымъ и возмутительно-прекраснымъ; но оно также нашло и поклонника въ лордѣ Байронѣ. Качества и форма „Кристabelle“ обратили на себя и вниманіе Пушкина, когда понадобилось осуществить одну изъ самыхъ фантастическихъ легендъ тѣхъ же среднихъ вѣговъ.

ихъ продолженіи съ тѣмъ же выраженіемъ и въ тѣхъ же функціяхъ, какія авторъ хотѣлъ ему предоставить по своей собственной, оригинальной мысли и въ драмѣ, насъ занимающей.

Не нужно, полагаемъ, напоминать русскимъ читателямъ этихъ превосходныхъ «Сценъ». Для ясности послѣдующаго нашего изложенія достаточно, въ немногихъ словахъ, привести существенныя ихъ черты. У богатаго ремесленника вырастаетъ сынъ — менестрель, занятый веселой наукой стихотворства болѣе, чѣмъ отцовскимъ ремесломъ, и мечтающій о привольномъ житіи въ рыцарскихъ замкахъ, о дамахъ и дѣвицахъ, которыя будутъ дарить его шарфами и увѣнчивать цвѣтами. Отецъ выгоняетъ его изъ дома, передаетъ все имущество своему подмастерью, но прежде еще благодѣтельствуетъ, изъ корыстныхъ видовъ, бѣдному алхимику Бертольду, который стоитъ наканунѣ открытія великаго научнаго секрета и обѣщаетъ раздѣлить выгоды открытія съ тѣмъ, кто послѣдній дастъ ему средства докончить опыты. Между тѣмъ, Францъ пробирается въ рыцарскій замокъ, въ качествѣ конюшаго, къ его обладателю и товарищу его по школѣ, рыцарю Альберту, въ сестру котораго страстно влюбляется. Униженный и оскорбленный ими, какъ непокорный и зазнавшійся слуга, онъ покидаетъ замокъ, становится во главѣ сельскаго народнаго возстанія и объявляетъ войну владѣльцамъ, баронамъ и феодаламъ. Шайка Франца скоро разсыяна рыцарями, и его самого везутъ въ знакомый замокъ на висѣлицу. Наканунѣ казни пирующие господа заставляютъ менестреля потѣшать ихъ въ послѣдній разъ своими пѣснями, но гордая Клотильда, дама сердца бѣднаго поэта, умиленная его безстрашіемъ и его поэзіей, спрашиваетъ ему прощеніе. Приговоръ къ висѣлицѣ замѣненъ приговоромъ къ пожизненному заключенію въ башнѣ замка. Здѣсь и кончаются «Сцены».

Прежде всего тутъ бросается въ глаза близкое, какъ-бы родственное, сходство между программой о папессѣ и этими «Сценами», въ главныхъ, основныхъ ихъ мотивахъ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь городское мѣщанское сословіе порождаетъ двѣ безпкойныя, честолюбивыя личности, разрывающія всѣ связи съ роднымъ кровомъ и окружающей ихъ обстановкой и смѣло бросающіяся въ безграничное море жизни, съ надеждой завоевать себѣ новое положеніе. Но одна изъ этихъ личностей — женщина, выбирающая орудіемъ для удовлетворенія своихъ тщеславныхъ замысловъ науку и знаніе; другая личность — поэтъ, довѣряющій силѣ своего творческаго таланта для достиженія всѣхъ тайныхъ пожеланій своихъ. Обѣ личности эти, едва-едва намѣченныя по-

этомъ, чрезвычайно ярко выражаютъ, однако-жъ, различіе своихъ характеровъ въ выборѣ путей и средствъ, которыми думаютъ освободиться изъ своего приниженаго сословнаго состоянія, но несмотря на то, въ нихъ чувствуется присутствіе одного и того же психическаго двигателя, слышится общность душевныхъ настроеній. Искони вѣковъ *знаніе* и *поэзія* опрокидывали перегородки, устроенныя бѣдной политической мыслию для того, чтобы удержать каждаго человѣка на разъ опредѣленномъ ему, по рожденію и происхожденію, мѣстѣ. Избранники, отмѣченные печатію знанія или поэзіи, не однажды свободно проходили черезъ заставы, положенныя кодексами и законодательствами съ цѣлью затруднить дорогу пылкимъ и непокорнымъ умамъ въ жизни. У папессы и у менестреля вѣковая привилегія равнять людей, присущая наукѣ и генію, породила убѣжденіе въ ихъ правѣ занимать любое мѣсто на свѣтѣ и находить границы своимъ вожделѣніямъ и посягательствамъ только въ самихъ себѣ, а не въ постороннихъ помѣхахъ и соображеніяхъ... Сходство нравственныхъ положеній обоихъ нововводителей, Жанны и Франца, увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что и она, и онъ одинаково имѣютъ друга дѣтства, школьнаго товарища, предназначенныхъ служить орудіемъ ихъ гибели. И сластолюбивый вольнодумный испанецъ, и пустой, горделивый рыцарь Альбертъ намѣчены, какъ въ программѣ, такъ и въ сценахъ однимъ, такъ сказать, карандашомъ, по одному и тому же шаблону. Они призваны изображать тотъ эгоизмъ привилегированныхъ сословій, который овладѣваетъ людьми съ самыхъ раннихъ лѣтъ и превращаетъ ихъ, тотчасъ за порогомъ школы, въ оберегателей выгоднаго имъ порядка дѣлъ. Задачей ихъ становится преслѣдованіе тѣхъ геніальныхъ проходимцевъ, которые врываются силой въ ихъ сомнѣтые ряды и нарушаютъ вообще спокойное теченіе обычной заведенной жизни. Сами фізіономіи Жанны и Франца, несмотря на упомянутую уже разницу въ жизненныхъ цѣляхъ, усвоенныхъ обоими героями, и на разность ихъ пола, поражаютъ еще у Пушкина разительнымъ сходствомъ своимъ по отношенію къ сущности ихъ природы. Блѣдныя очерки этихъ фигуръ, данныя по-этомъ, настолько, однако же, ясны, что позволяютъ распознать ихъ выраженіе и мысль, въ нихъ заключенную.

Сосредоточенная въ себѣ, аскетически-мужественная Жанна погибаетъ не на вострѣ, какъ ея соименица Орлеанская, а въ объятіяхъ любовника; женственный менестрель Францъ становится народнымъ вождемъ, представителемъ поруганныхъ правъ человѣчества и въ этомъ качествѣ осужденъ на гибель. Обоихъ

сбивается съ ихъ путей и уничтожаетъ въ корнѣ всѣ ихъ цѣли и замыслы—общая имъ слабость—*любовь*. Это—одно и то же лицо въ двухъ видахъ, это—близнецы, сестра и братъ, порожденные цѣльной мыслию, къ которой поэтъ нашъ подходитъ только, въ двухъ своихъ пробахъ, съ противоположныхъ сторонъ, не нарушая ея единства, бросающагося въ глаза при внимательномъ ея осмотрѣ.

Кромѣ всего сказаннаго, у насъ есть еще и документъ, осязательно, такъ сказать, свидѣтельствующій о родствѣ обоихъ драматическихъ проектовъ. Мы видѣли, что «Сцены изъ рыцарскихъ временъ» кончаются пожизненнымъ заключеніемъ Франца въ башнѣ феодальнаго замка, но въ мысли Пушкина «Сцены» имѣли еще продолженіе, какъ оказывается изъ маленькой программы, которая до нихъ касается. Этотъ небольшой и очень любопытный отрывокъ Пушкина гласитъ слѣдующее:

«Un riche marchand de draps. Son fils—poète—amoureux d'une jeune demoiselle noble. Il fuit, et se fait écuyer dans le château du père (de la demoiselle)—vieux chevalier. La jeune demoiselle le dedaigne. Le frère arrive avec un prétendant. Humiliation du jeune homme. Il est chassé par le frère, à la prière de la demoiselle.

Il arrive chez le drappier. Colère et sermon du vieux bourgeois. Arrive frère Berthold. Le drappier le sermonne aussi. On saisit frère Berthold et on l'enferme en prison.

Berthold en prison s'occupe d'alchimie. *Il decouvre la poudre*. Revolte des paysans fomentée par le jeune poète. Siège du château. *Berthold le fait sauter*. Le chevalier—la médiocrité personifiée—*est tué d'une balle*. La pièce finit par des réflexions et par l'arrivée de Faust sur la queue du diable (*découverte de l'imprimerie—autre artillerie*)¹⁾.

Итакъ, вотъ какое содержаніе предназначено было этимъ

¹⁾ Въ переводѣ: „Богатый торговецъ сукнами. Сынъ его—поэтъ—влюбляется въ молодую благородную дѣвицу. Онъ бѣжитъ изъ дома и опредѣляется конюшимъ въ замокъ отца дѣвицы—старога рыцаря. Молодая особа пренебрегаетъ имъ. Является братъ ея съ женихомъ. Униженіе молодого человѣка. Братъ выгоняетъ его изъ замка, по просьбѣ сестры.

Возвращеніе къ торговцу. Гнѣвъ и выговоры старога буржуа. Появляется братъ Бертольдъ—онъ и его бранитъ. Брата Бертольда схватываютъ и засаживаютъ его въ тюрьму.

Бертольдъ въ тюрьмѣ. Онъ занимается алхиміей и *открываетъ порохъ*. Возмущеніе крестьянъ, поднятыхъ юнымъ поэтомъ. Осада замка. *Бертольдъ взрываетъ его на воздухъ*. Рыцарь—олицетворенная посредственность—*убитъ пулей*. Пьеса заканчивается размышленіями и *пробытіемъ Фауста на хвостъ дьявола (открытіе книгопечатанія—этой артиллеріи своего рода)*.

«Сценамъ», по первоначальной программѣ Пушкина, хотя сами онѣ еще составляютъ только «Планъ», какъ были и озаглавлены, и притомъ, по нашему мнѣнію, далеко не разработанный ими вполне и неокончательный. Перемѣны, введенныя поэтомъ противъ старой тѣмы въ свой новый «Планъ», легко перечисляются. Пропадаетъ старый рыцарь, владѣлецъ замка, о заключеніи Франца въ башню нѣтъ и помина, а вмѣсто него попадаетъ въ заключеніе алхимикъ Бертольдъ. Для дальнѣйшаго развитія плана, если такое имѣлось въ виду у поэта, слѣдуетъ предполагать, что Францъ освобожденъ изъ башни, можетъ быть и Клотильдой, побѣжденной его даромъ пѣсенъ, что онъ снова воздвигаетъ народное возстаніе противъ феодаловъ и теперь находитъ уже подлѣ себя страшнаго, могущественнаго пособника въ лицѣ брата Бертольда, который сдержалъ обѣщаніе подѣлиться результатами своего открытія съ семействомъ поэта. Но оставляя въ сторонѣ всякаго рода предположенія, мы приходимъ уже къ одному достовѣрному заключенію. Послѣднее слово обѣихъ программъ, какъ о папессѣ Жаннѣ, такъ и о менестрелѣ Францѣ, основная мысль, ихъ породившая, заключалась въ легендарномъ, символическомъ изображеніи двухъ великихъ изобрѣтеній, заключившихъ эру среднихъ вѣковъ и открывшихъ «Новую исторію» — пороха и книгопечатанія, мистическаго алхимика-монаха Бертольда и мистическаго доктора Фауста.

Они встрѣчаются на развалинахъ феодальнаго замка, испытывающаго на себѣ первое приложеніе новой силы и владѣлецъ котораго убитъ первой пулей, выпущенной на свѣтъ Божій. Фаустъ принесенъ на торжество науки, терпѣнія и пытливаго человѣческаго ума дьяволомъ, который, по нашей догадкѣ, какъ видѣли, подобралъ его младенцемъ въ Римѣ. Пушкинъ вспомнилъ объ этомъ ребенкѣ, покинутомъ имъ въ концѣ одной программы, и перенесъ его въ конецъ другой, на что уполномочивалъ его и общій характеръ ихъ духа и содержанія. Обѣ драмы послѣдними заключительными сценами своими даютъ разумѣть, что, по мысли автора, онѣ должны были составлять двухъ-членную хроніку, развивающую одну и ту же тѣму — разрушеніе стараго міра, изжившаго вполне все свое содержаніе, налагающаго руки на признанныя свои святыни (первая часть хроніки), оскорбляющаго человѣчество надменностію и безнаказанностію своей пустоты и своего разврата (вторая часть хроніки). И Бертольдъ съ губительной зернью, и Фаустъ съ типографскимъ станкомъ были тутъ на мѣстѣ. Новое поколѣніе, способствующее паденію и гибели стараго міра, все-таки вскормлено было тѣмъ же са-

мымъ міромъ, а потому и носить на себѣ еще слѣды его немощей, которыя составляютъ, несмотря на всю отвагу и рѣшимость поколѣнія, его безсиліе въ борьбѣ съ жизнью. Измѣна своему призванію и слабости святотатственной Жанны, пустяг увлеченія и мечты Франца достались имъ по наслѣдству отъ прошлаго. Программы Пушкина показываютъ, что только два лица не принимаютъ никакого участія въ развитіи драмъ, свободны отъ страстей и волненій людей, въ нихъ дѣйствующихъ, и какъ-бы приберегаютъ себя для довершенія процесса разложенія, начатаго другими. Это—два великихъ изслѣдователя, которые и призваны окончательно упразднить какъ дерзкихъ, но несостоятельныхъ борцовъ, такъ и предметъ ихъ ненависти и столкновеній—строй общества. Они только и могутъ обновить міръ, потому что стояли внѣ его и выше его; мысль поэта довольно ясна и нисколько не затемняется вмѣшательствомъ дьявола или нечистой силы, которые тутъ имѣютъ совершенно невинный, иносказательный смыслъ. Мы совершенно свободно допускаемъ гипотезу, что въ намѣреніи поэта было показать и монаха Бергольда, и грѣховное дитя Фауста одинаково воспитанниками дьявола или демона мысли и науки и притомъ одинаково вырожденными въ суровомъ уединеніи. Оба они встрѣчаются какъ старые друзья, какъ люди одного и того же закала, и демонъ, поставившій ихъ лицомъ къ лицу, какъ должно полагать, въ равной степени коротко и хорошо знакомъ еще съ издѣтства.

Какія бы возраженія и замѣчанія ни вызвали въ послѣдствіи наши догадки и выводы (а отвлеченныя соображенія, основанныя на духѣ произведенія, а не на фактахъ, всегда ихъ вызываютъ), но можно надѣяться, что одно изъ нашихъ положеній встрѣчено будетъ уже общимъ согласіемъ. Никто, полагаемъ, изъ ознакомившихся съ содержаніемъ пушкинскихъ программъ, здѣсь приведенныхъ, не усомнится признать, что въ нихъ заключенъ богатый матеріалъ для какого-то капитальнаго произведенія, задуманнаго поэтомъ. Обширныя пространства для мысли и воображенія отерываются при одномъ разборѣ этихъ отрывочныхъ словъ, этихъ очерковъ, едва захватывающихъ края образовъ и представленій; предчувствіе чего-то могущественнаго и поражающаго сопровождаетъ читателя, когда, сквозь сѣтку недописанныхъ фразъ, мерцаетъ передъ его глазами легендарный и бытовой средневѣковой міръ, символическіе и реальные элементы сказанія въ удивительномъ, какъ-бы натуральномъ, соединеніи. Что бы вышло изъ всего этого? Какъ ни празденъ вопросъ по своему существу, онъ невольно зарождается въ умѣ при всякомъ соприкосновеніи съ планами и намѣченными идеями Пушкина.

Не выходя изъ области драматическихъ опытовъ Пушкина, подобный же вопросъ возникаетъ и въ виду того всѣмъ извѣстнаго реестра драмъ, имъ написанныхъ и только задуманныхъ, который онъ самъ составилъ. Въ реестрѣ этомъ встрѣчаются заглавія пьесъ, навсегда, кажется, пропавшихъ для нашей публики. Таковы заглавія, возвѣщающія несуществующія пьесы: «Ромуль и Ремъ», «Берольдъ Савойскій», «Влюбленный бѣсъ», «Димитрій и Марина», «Курбскій». Отъ замысловъ поэта, которые скрывались подъ ними, не осталось въ тетрадяхъ его ни одного вѣточка бумажки, ни одного листика, которые способны были бы бросить какой-либо свѣтъ на сущность и содержаніе этихъ будущихъ произведеній его гениа. Къ немногимъ изъ заглавій можно еще подойти съ нѣкоторымъ, правдоподобнымъ изъясненіемъ. Такъ сцены: «Димитрій и Марина», «Курбскій», позволительно признавать начальными очерками тѣхъ сценъ, которыя введены были потомъ авторомъ въ хронику Борисъ Годуновъ; такъ еще загадочный «Берольдъ Савойскій», на исторію и происхожденіе котораго потрачено было много гипотезъ, еще поддается заключенію, что это не кто другой, какъ монахъ-алхимикъ Бергольдъ, намъ уже знакомый; но затѣмъ остальные драматическіе очерки, упоминаемые въ реестрѣ и не получившіе обработки и осуществленія при жизни поэта, осуждены навсегда представлять изъ себя видъ молчаливыхъ сфинксовъ, не отвѣчающихъ ни на какіе разспросы. Еще одно слово. Знаменитый перечень Пушкинскихъ драмъ, о которомъ говоримъ, явился въ печати нашей не совсѣмъ въ полномъ видѣ. «Матеріалы для біографіи Пушкина», 1855, впервые его опубликовавшіе, устранили изъ него два заглавія, которыя необходимо привести теперь для того, чтобы дать полное понятіе о разнообразіи и характерѣ литературныхъ проектовъ Пушкина. Одно изъ этихъ устранившихся заглавій носило имя: «*Исусъ*», другое послѣ него—«*Павелъ I*». Не вдаваясь ни въ какія рискованныя заключенія, по поводу этихъ именъ и соединенныхъ съ ними литературныхъ проектовъ, заключаемъ статью повтореніемъ общаго мнѣнія русской публики, не разъ ею выраженнаго: пуля, которая унесла Пушкина на 38-мъ году его жизни, убила многое изъ того, что пережило бы, можетъ быть, нѣсколько поколѣній, а можетъ быть, и цѣлые историческіе періоды.

П. АННЕНКОВЪ.

